

Сергей Тимофеевич КРУГЛИКОВ / Sergei KRUGLIKOV

| Жертва и метафоры времени / Sacrifice and Metaphors of Time |

Сергей Тимофеевич КРУГЛИКОВ / Sergei KRUGLIKOV

*Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
Институт Философии, Кафедра онтологии и теории познания
Аспирант*

*St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
Institute of Philosophy, Department of Ontology and Theory of Knowledge
Postgraduate Student
kruglikov-s@mail.ru*

ЖЕРТВА И МЕТАФОРЫ ВРЕМЕНИ

SACRIFICE AND METAPHORS OF TIME

В статье рассматривается происхождение метафор времени из события жертвоприношения. Циклическое время архаических сообществ напрямую выводится из повторяющегося ритуала заклания жертвы. Дальнейшие экспликации понятия времени в античной философии продолжают скрыто содержать мотивы жертвенной репрезентации, что выражается в устойчивых фигурах порядка, повторения и самом понятии живого возрождающегося и погибающего Космоса. Появление второй основной метафоры времени – линии – рассматривается как принципиально новое отношение к жертве, ее отрицание. Абсолютная жертва Христа упраздняет саму возможность ритуального жертвоприношения и так упраздняет само циклическое время. В свете жертвенной репрезентации выявляется принципиальная несовместимость двух темпоральных моделей, одна из которых настаивает на жертве, но приносит социальное единство, а другая – упраздняя жертву, углубляет субъективность до полной разобщенности с миром. Актуальность статьи связана с проблематизацией темпорального смысла жертвоприношения в современности, в которой, посредством медиа, интенсивность заклания жертв приобретает характер перманентного жертвоприношения.

Ключевые слова: жертва, жертвоприношение, козел отпущения, жертвенная репрезентация, легитимация, власть, порядок, повторение, метафора времени, темпоральная форма, медиа.

In this article it's considered the origin of metaphors of time from the sacrifice. The cyclic time of the archaic communities is directly derived from the repetition of the sacrificial ritual. Further explications of the concept of time in ancient philosophy continue to covertly contain the motives of sacrificial representation, which is expressed in stable figures of order, repetition and very concept of the living resurgent and dying Cosmos. The emergence of the second basic metaphor of time - the line - is considered as a fundamentally new attitude to the victim, its denial. The absolute sacrifice of Christ abolishes the very possibility of ritual sacrifice and, so, abolishes the cyclic time itself. In the light of the sacrificial representation, the fundamental incompatibility of these temporal models is revealed. The cyclic one insists on the victim, but brings social unity, while the other one insist on abolishing the victim, but deepens the subjectivity until its complete disconnection from social world. The relevance of the article is connected with the problematization of the temporal meaning of sacrifice in the present, in which, through the media, the intensity of the sacrifice of the victims acquires the character of a permanent sacrifice.

Key words: victim, sacrifice, scapegoat, sacrificial representation, legitimation, power, order, repetition, time metaphor, temporal form, media.

Сергей Тимофеевич КРУГЛИКОВ / Sergei KRUGLIKOV

| Жертва и метафоры времени / Sacrifice and Metaphors of Time |

Жертвоприношение в культуре, даже если мы не рассматриваем его как, собственно, начало всякой культуры, бесспорно, занимает в ней одно из ключевых мест. Разные авторы принимают событие жертвоприношения в качестве точки отсчета существования государства, церкви, истории и, в конечном счете, самого времени. Реальность круга жертвенного заклания становится метафорой цикла космической жизни, затем – эпохи, года и, в конечном счете, кругом часов, метафорой возвращения к точке начала суток, года, космоса.

Сегодня же несложно обнаружить две очевидные тенденции, лишь на первый взгляд противоречащие друг другу. Первая – жертвоприношение утрачивает смысл сакрального «числа времени», несмотря на то, что многие обыденные практики продолжают носить ритуальный характер. Вторая – в современности жертв намного больше, чем в любую из прошедших эпох. В древности событие жертвенного приношения воисполняло космический логос, упорядочивало нарастающий хаос, и в этом отношении имело не просто утилитарный смысл, а являлось реальным центром самой жизни, границей ее возможности, потому и всякая жертва древности была жертвой оправданной. Мы же, зачастую, говорим о напрасных жертвах. Парадокс, в таком случае, заключается в том, что мы, принося еще больше жертв, не верим в силу жертвоприношений. В какой же момент жертва перестала «работать»? Когда она утратила свой исконный космический смысл «числа времени»? И если утратила, то почему современных жертв, которые, как дым, свидетельствуют о жертвенных кострах, становится только больше? Все эти вопросы провоцируют размышление об отношении жертвы и времени – «тогда» и «сейчас», размышление, в ходе которого мы постараемся проследить, каким образом жертва, создающая порядок, сменилась порядком, создающим жертвы.

О том, что ритуальные практики архаических культур носили учредительный, космологический характер, так или иначе, свидетельствует це-

лый ряд авторов. Не важно, утверждают ли они, как Р. Жирар, что жертва отпущения гасила разрушительный запал миметического желания, или, как М. Элиаде, что ее включенность в ритуал позволяла символически, а не метафорически, воспроизвести акт творения мира и, так, «космизировать»¹ пространство, или, как Рэдклифф-Браун, что ее заклание создавало непрерывность социальной структуры² – все они, так или иначе, подчеркивают именно созидательный смысл жертвоприношения. Выделяемые ими частные аспекты не опровергают и не оспаривают целого. Акт ли это насилия или добровольное самоотречение, миф или сказка – речь всегда идет об устройстве общины (мира), укреплении космических, фундаментальных связей.

Рассматривая темпоральное устройство обществ, жизнь которых базировалась на ритуальных практиках, мы обычно говорим о времени как круге, прибегая к пространственной метафоре. Вся жизнь таких сообществ вращается вокруг или исходит из события жертвоприношения, которое есть «жизнь, смешанная со смертью, но одновременно смерть в нем является знаком жизни, открытости беспредельному»³ – и, так, в одном только нем и сказывается весь универсум.

Вводя определение времени как круга мы, тем не менее, не можем полагать, что люди других эпох ощущали течение времени как-то иначе, чем мы – то есть, как сугубую последовательность «одного после другого». Кантианское определение времени как формы чувственности универсально отражает способ его восприятия. Такое время, однако, не может быть ни кругом, ни линией, ни их модификациями. Прибегая к другой пространственной метафоре, это, по Аристотелю – всего лишь точки, которые фиксируют настоящее и изменение между ними. Подобное время не может рождать

157

¹ Элиаде М. Миф о вечном возвращении // Избранные сочинения. М.: Ладомир, 2000. С. 29.

² Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. М.: Восточная литература, 2001. С. 210.

³ Батай Ж. Эротика // Проклятая часть. Сакральная социология. М.: Ладомир, 2006. С. 555.

Сергей Тимофеевич КРУГЛИКОВ / Sergei KRUGLIKOV

| Жертва и метафоры времени / Sacrifice and Metaphors of Time |

событий, оно лишено событийной, экзистенциальной наполненности, тогда как время, собираемое ритуалом и жертвоприношением, выражает темпоральную напряженность самой истории изнутри этой истории, это актуальная субъективная длительности нахождения во времени, если угодно — место во времени, которого единичный «заброшенный» человек лишен. Ритуал жертвенного заклания, по всей видимости, является первой формой такого единства времени. Словами Батая, «дискретные существа, каковыми являются люди, стремятся сохранить свою дискретность. Однако смерть или хотя бы созерцание смерти возвращает их к переживанию непрерывности»⁴.

Время в этом ключе возникает именно как функция, а не начало или архэ. Время вторично жертвенной репрезентации: не потому ритуал повторяется, что время циклично, а оно циклично из-за постоянного повторения ритуала. Метафора круга времени рождается из ритуальных практик. Обратим, между прочим, внимание, насколько древним культурам — от шумер до канарских гуанчей — вообще близка магия повторения. Об этом свидетельствуют не только смутные наши представления об их космологии и ритуалах, но и самое очевидное — любовь к строгому орнаменту. Следование фигуре повторения отражает ясность порядка, обнаруженного и воспетого древними. Даже греческое слово «повторение» — *παλιλλογία* — говорит ни о чем ином, как о возвращении или воспроизведении порядка, означая, буквально «снова логос». Главной функцией всякой жертвы, какой бы она ни была — учредительной, очистительной, благодарственной, покаянной и т.д. является именно восстановление порядка, предотвращение хаоса — метафорического или реального кризиса. Отсюда и сам ритуал должен быть проведен в строгом соответствии с установленным порядком, иначе порядок не восстановится и жертва будет напрасной. И только в случае соблюдения всех правил, автоматически означающего успех ритуала, «все будет хорошо, высшие власти нас не покинули, мировой порядок

сохранен, космическое и социальное благополучие всех нас и наших людей обеспечено»⁵.

Собственно, круг времени таков не из-за некой формы времени, а просто потому, что оно всякий раз проходит через одну и ту же точку, быть может и скорее всего, даже не догадываясь об этом. Кольцо времени с легкостью может быть представлено как один момент настоящего, ведь ритуальная жертва всегда совершается здесь и сейчас, и только ради того, что существует здесь и сейчас. «Ритуальное пространство — не центр мира, а единственный мир, который существует до тех пор, пока блюдет ритуал»⁶. Нелепо устраивать всесоожение и просить, чтобы когда-нибудь, в неопределенный момент будущего, наступил урожай или новый год: жертва — всегда жертва настоящему, а не будущему. Реальная жертва, то есть, буквально, отчуждение и утрата самого ценного, лишена смысла абстрактного или гипотетического, она не приносится «на всякий случай» как профилактика порядка или превентивная мера. Она, напротив, всегда необходима, потому как без нее никакое будущее или просто даже продление настоящего не будет возможно, космос станет хаосом, благословение — проклятьем, живое — мертвым. Типичный мотив гибели антагониста в сказках — нарушение им порядка, неправильное или поспешное соблюдение живительного ритуала. Правильная жертва — это и есть порядок, порядок — и есть жизнь, творимая здесь и сейчас. Учредительное жертвоприношение, таким образом, генетически оказывается прежде самого понятия времени. Время понимается изначально как лишь эпоха порядка, эпоха власти, эпоха одного владыки, который сменит другого в соответствии с порядком наследования и владения, суть которых в том, что в рамках его времени (эпохе — задержка, остановка), владыка безраздельно владеет всем, чем владеет. «Всякая традиционная власть в своем оп-

⁴ Там же. С. 548.

⁵ Хейзинга Й. *Homo ludens* // *Homo ludens*. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс-Академия, 1992. С. 70.

⁶ Ноговицын О.М. *Онтология художественной формы: реальность текста и призрачность реальности*. СПб.: Гуманитарная Академия, 2016. С. 10.

Сергей Тимофеевич КРУГЛИКОВ / Sergei KRUGLIKOV

| Жертва и метафоры времени / Sacrifice and Metaphors of Time |

ределении неизменно опиралась и опирается на возможно дальше уходящее вглубь времен сакрализованное «безвремя»⁷. Эпоха сменяет эпоху, одно время не отличается от другого, но все – повторяет изначальное.

Этот смысл эпохального владения, сменяющейся, но в глубине своей единой власти (архэ), мы обнаруживаем не только в социальном аспекте архаического общества, но и в трудах античных философов. Гераклит, самый темный, но и, возможно, самый пронизательный из досократиков, между прочим, оставивший полис именно по политическим соображениям, говорил, что «Век – дитя играющее, кости бросающее, дитя на престоле»⁸. «Век» – это Αἰών, Эон, время как жизненное существование, как некая целостная структура, а не пустое последовательное течение времени. Век – дитя это или нет – суть то, что правит. Век – это то, чем мерится вечность. Время здесь измеряется и персонифицируется властью, которая, какой бы она ни была, всегда считает себя порядком, всегда чья-то и как-то легитимируется – как правило, жертвой. Именно поэтому не правитель создает порядок. Эхнатон был проклят потомками за попытку сделать нечто подобное. Гераклит говорит: «Солнце правит космосом согласно естественному порядку, будучи шириной [всего лишь] в ступню человеческую. Оно не преступает положенных границ, ибо если оно переступит должные сроки, его разыщут Эринии, союзницы Правды»⁹. Даже солнце существует в границах и оковах – некоем положенном сроке. Это замыкает круг: век – это то, что правит, а то, что правит – правит в границах своего века. Космос мерами возгорается и мерами же гаснет. И угасая, возгорается снова – новый огонь в том же жертвенном костре – той же точке

признания, легитимации и во осуществления порядка власти.

Принимая теорию Жирара об эволюции мифа, мы можем увидеть, как мысль о порядке, в котором все повторяется, возводится античными философами до онтологического повторения в Логосе. Однако и сам порядок должен быть легитимирован и обновлен через обращение к своему истоку – периодическому повторению заклания жертвы, которое началось задолго до Фалеса, отца всех философов, и продолжалось еще долго после его смерти. «Кровавые жертвоприношения суть попытки смягчить или умерить внутренние конфликты архаических сообществ, воспроизводя, как можно более точно, за счет жертв-заместителей первоначальной жертвы, реальные насилия, которые в неопределенном, но отнюдь не мифологическом прошлом действительно примиряли сообщества, благодаря механизму единодушия»¹⁰. Ритуал, по Жирару, является лишь отражением реальной кровавой расправы, однако это ритуальное абстрагирование от реального человеческого насилия и позволяет нам предположить, что повторение жертвоприношения, посредством которого создается порядок в отдельной общине, превращается в абстрактную цикличность порядка самого космоса. Время как понятие, возникшее как эпифеномен жертвы, буквально, как отрезок между приношением жертв, легитимирующих порядок, онтологизируется и превращается в онтологическое повторение космического порядка. Бытие-шар, цикличность жизни космоса и вечное движение внутри него – эта мысль в целом характерна для античной философии.

То возражение, что в природе и без жертвоприношения достаточно явственно дана фигура повторения – в смене дня и ночи, в смене сезонов и в круговороте звезд, конечно, справедливо. Оно, однако, не удерживает основной силовой точки понятия времени – его власти. Все природные проявления цикличности, и в этом, несомненно, прав

⁷ Андреев И. Л. Связь пространственно-временных представлений с генезисом собственности и власти // Вопросы философии. 1999. № 4. С. 73.

⁸ Лебедев А. В. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1 От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. С. 242.

⁹ Там же. С. 224.

¹⁰ Жирар Р. Я вижу Сатану, падающего как молния. М.: ББИ, 2015. С. 85.

Сергей Тимофеевич КРУГЛИКОВ / Sergei KRUGLIKOV

| Жертва и метафоры времени / Sacrifice and Metaphors of Time |

В.Молчанов – суть пространственные характеристики, сгустки материи. Повторение в природе обладает куда меньшим постоянством, чем в социуме. Новый год наступает лишь тогда, когда его празднуют. Весна придет 1 марта, хотя снег может лежать до июня. Порядок года – отнюдь не естественен, точно так же как неестественен порядок социума – и то и другое последовательно создавалось в общине. Честертон описывает Божественную благодать в терминах постоянного творения. Древние же упрашивали и даже принуждали богов к этому творению, потому как верили в реальную мощь жертвы.

Ритуальное повторение жертвоприношения в процессе рефлексии становится чистым повторением космической жизни. Не развоплощенный разум, а обмирщенная религиозность становится источником философского мышления. Несмотря на то, что, по свидетельству Диогена Лаэртского, античные философы в большинстве своем в богов уже не верят, даже и они исправно следуют жертвенной темпоральной модели, в которой повторение времени – это лишь отражение реального космического порядка, тень или эманация Единого. Скажем, в «Тимее» Демиург творит время как «некое движущееся подобие вечности», а стоики верили в Логос, предписывающий всему быть, как оно есть. Однако не только в смысле темпоральности античная философия – философия жертвенная. От досократиков до гностиков справедливо следующее: «Космос видимый, слышимый, осязаемый, материальный в представлении древнего грека есть не что иное, как огромное тело живого человеческого существа, как в целом, так и во всех своих частях»¹¹. В этом отношении сам типичный цикл космической жизни – возгарание и угасание, смерть и рождение и т.д. – цикл жертвенной репрезентации. Греческий космос сам по себе может быть понят как вселенская жертва, умирающий и воскресающий бог в близком смысле, как этот мо-

тив обнаружил Фрэзер – «правитель, предаваемый смерти по истечении установленного срока»¹². И это еще один шаг, уводящий нас еще дальше от ритуального замещения реального убийства – к абстрактной метафизике.

Даже идея Вечности как раз и появляется в античном мышлении как отвлеченная независимость времени «от мифологического синкретизма, где сакральное Время представляет собой и функционирует в родовом сообществе как Вечное»¹³. Онтология времени в античности – это онтология жертвоприношения. Жирар в самом общем виде описал это в терминах пользы от жертвы: «Каузальность козла отпущения навязывает себя с такой силой, что даже сама смерть не может ее оставить. Чтобы не отказываться от жертвы как от причины, эта каузальность ее, если потребуется, воскресит, обессмертит, по крайней мере на время, – в общем, изобретет все, что мы называем трансцендентным и сверхестественным»¹⁴. Бесконечное повторение снимает мистический потенциал жертвы, превращая его в строго утилитарное следование правилам, имеющим характер ритуального жертвоприношения. Ситуация переворачивается и жертва, создающая порядок, превращается в следование порядку, который создает жертву. В Римской империи смертью карался отказ приносить жертву Цезарю – и евреи и первые христиане платили жизнью за то, что не хотели этого делать. Перефразируя Юнга, заменой слова «догмат» на слово «закон» – формулируя коллективное бессознательное, закон замещает его в сознании¹⁵.

Эта интуиция невероятно отчетливо демонстрирует контраст между Афинами и Иерусалимом, Академией и Церковью. Архаический поря-

¹² Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1983. С. 262.

¹³ Смолина А.Н. Генезис представлений о времени и вечности в современной культуре. Перспективы социокультурного моделирования. Волгоград: Принтерра, 2007. С. 46.

¹⁴ Жирар Р. Козел Отпущения. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2010. С. 79.

¹⁵ Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. С. 104.

¹¹ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития: в 2-х книгах. Книга 1. М.: Искусство, 1992. С. 315.

Сергей Тимофеевич КРУГЛИКОВ / Sergei KRUGLIKOV

| Жертва и метафоры времени / Sacrifice and Metaphors of Time |

док, существующий исключительно посредством жертвенной репрезентации, онтологическое время, всегда имплицитно настаивающее на жертвоприношении, и, наконец, организация античного государства, являющееся прямым следствием и того и другого, сталкиваются не просто с линейным временем, а буквально, с абсолютным «соблазном и безумием», поскольку событие христианства не только не укладывается в эту устоявшуюся модель, но подобно кровавому орлу раскрывает ее нутро и лишает всякой учредительной силы. Распятие и воскресение Христа даже для самих евангелистов уже имеет радикальный смысл Абсолютной жертвы, а не просто «символического жертвоприношения»¹⁶, как его охарактеризовал Батай – такой жертвы, после которой не требуется никаких других. «Господь на кресте – это не «Imago», не наш прообраз или образец. Ведь он умер раз и навсегда таким образом, каким мы, чтобы жить, не должны умирать»¹⁷.

В свете предложенных рассуждений, как помыслить античный мир с его политикой и философией – без жертвы? Очевидно, что это — хаос. Именно поэтому христианина, который отказывается приносить предписанную жертву, просто необходимо казнить. Слова Павла о Христе распятом как «безумии эллинам» (по-гречески просто *μωρία* – глупость), в свете жертвенной репрезентации приобретают даже более ясный смысл. Не веря в богов, эллины верят в порядок, а без жертвы – нет порядка, нет власти и, в конечном счете, нет времени как пространства истории.

И это ясно и для самого христианства. Евангельские события отменяют жертвы «не войною и оружием, и войсками», потому как первые христиане не имеют такой власти, «но немногие люди – нагие, бедные, неученые, преследуемые, бесчестимые телесными побоями, умерщвляемые,

возвещая Распятого плотию и Умершего, одержали верх над мудрыми и сильными».¹⁸ Верх одерживают все те, кто обладают очевидными виктимными признаками, те, кто в первую очередь становились жертвами. Победа жертв достигается вскрытием этого древнего механизма утилитарного жертвоприношения. Христос, которого самого «возневели напрасно», для успокоения народа, «искупает от страдания, бессилия и лишения, восполняя недостающее и отечески укрепляя немощных, воздвигает их от зла, вернее, определяя неопределенное и украшая неукрашенное, освобождает от зла всех грешников, утверждая их в красоте и восполняя утраченные ими добродетели»¹⁹. Не означает ли это, что во Христе всякий обладатель виктимных признаков оказывается восстановлен в своей совершенной человечности, словами Честертона, как Вечный человек – и потому даже если и становится жертвой, то всегда напрасной?

Тот же процесс углубления и победы индивидуального мы видим в преображении темпоральной формы. Обращаясь к тому источнику, который никак не обойти в разговоре о времени, попробуем еще раз внимательно прочесть, о чем нам говорит Августин. «Некоторые три времени существуют в нашей душе, и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего – это память; настоящее настоящего – его непосредственное созерцание; настоящее будущего – его ожидание»²⁰.

Чтобы яснее увидеть разницу между этой концепцией времени и античной, приведем пример. П. П. Гайдено, комментирующая аристотелевское понятие времени, трактует его в смысле, близком вообще античной мысли: «мы в собственной душе воспринимаем течение времени, даже не наблюдая никакого движения в пространстве, но замечая из-

¹⁶ Батай Ж. Эротика // Проклятая часть. Сакральная социология. М.: Ладомир, 2006. С. 552.

¹⁷ Розеншток-Хюсси О. Рабочие учат слишком мало, а учителя слишком много: разгадка Августином загадки времени // Избранное: Язык рода человеческого. М., СПб.: Университетская книга, 2000. С. 59.

¹⁸ Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. М., Ростов-на-Дону: Приазовский край, 1992. С. 202.

¹⁹ Дионисий Арепагит. Божественные имена // Мистическое богословие. Киев: Путь к Истине, 1991. С. 77.

²⁰ Аврелий Августин. Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского / пер. М.Е. Сергеев. М.: Ренессанс. 1991. С. 297.

Сергей Тимофеевич КРУГЛИКОВ / Sergei KRUGLIKOV

| Жертва и метафоры времени / Sacrifice and Metaphors of Time |

менения, происходящие в самой душе»²¹. Как ни странно, именно эта трактовка стала самой распространенной и каноничной при чтении и Исповеди Августина, ведь при нестрогом чтении, это верно. Однако сам термин «течение времени» чреват тем, что время есть нечто, например, «протяжение вечной жизни Души», как считал Плотин. Однако тезис Августина куда более радикален по сравнению с античным представлением: изменения, происходящие в самой душе – это и есть время. Нигде, кроме души, времени нет.

Августин не выделяет никаких онтологических структур времени, не вводит никаких эманаций, удвоений или теней. Абсолютная жертва Христа упраздняет все жертвоприношения, упраздняет темпальный порядок мира и, так, упраздняет само время. Метафора прямой времени, следовательно, никак не может заменить метафору круга, поскольку они принципиально различны и выражают различное – частное против всеобщего, и ясность этого обнаруживается особенно в дискурсе жертвоприношения.

Если такое радикальное прочтение текста Августина имеет место, то вопрос жертве и времени в нашей эпохе встает наиболее остро. Если те, кого мы зовем жертвами сегодня, являются теми же жертвами порядку, что и две тысячи лет назад, то порядок никогда и не задавал иной темпоральной формы, кроме циклической. Линеарное время христианства – напряженное собирание целостности, мучительное *distintio animi*, ожидание конца, который совершается во мгновении ока, или, словами Розенштока-Хюсси, вера в будущее, надежда на прошлое и любовь к настоящему²² – все это говорит о субъективном, внутреннем собирании целостности и не прорывается к горизонту истории. Следовательно, понятия прогресса или развития в этом отношении утрачивают свою привлекатель-

ность, ведь история социума не сдвигалась с точки жертвенной репрезентации и, поэтому, всегда была вечным настоящим.

Сегодня этот сугубый акцент на настоящем вполне может быть расценен как симптоматичный и, главное, осознанный. Еще с лозунга Рембо все стремление человечества концентрируется на самом острие современности, так что и сегодня реклама предлагает не просто знать, что «на хайпе», но самому решать, чему суждено на нем быть. Уже в девяностых Люббе писал: «Благодаря прогрессу сокращается и период современности, доступный научно-историческому пониманию»²³. Пребывание в настоящем сокращается, утрачивается интенсивность сознания длительности, всякий момент проскальзывает, уступая место другому и, так, настоящее время уступает место моментам настоящего. О том же говорил и Вирильо, указывая на ускорение времени до невозможности задержки в его длительности, – о принципиальном неведении грядущего, «видении без взгляда», темпоральной сле-
поты²⁴.

Однако и для Люббе и для Вирильо время – это прямая, развитие, прогресс. Оно подобно реке, течение которой усиливается, а русло кажется все более полноводным, ведь оно становится все более извилистым и узким, так что не видно, куда река свернет дальше. Они не рассматривают темпоральность с позиций жертвоприношения. Это несколько не делает их наблюдения неверными или нечеткими действительности, даже напротив. Однако если интуиция этой статьи возможна, и время складывается именно как эпифеномен жертвоприношения, то его ускорение – не что иное, как увеличение интенсивности приношения жертв.

Из самых свежих и безобидных примеров можно упомянуть последние события в Голливуде. Медиафера буквально разорвалась от неожиданного наплыва обвинений в сексуальных домогательствах в адрес звезд киноиндустрии. Катализа-

²¹ Гайденко П.П. Время. Длительность. Вечность. М.: Прогресс-Традиция, 2006. С. 32.

²² Розеншток-Хюсси О. Рабочие учат слишком мало, а учителя слишком много: разгадка Августином загадки времени // Избранное: Язык рода человеческого. М., СПб.: Университетская книга, 2000. С. 75.

²³ Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем. М.: НИУ ВШЭ, 2016. С. 24.

²⁴ Вирильо П. Машина зрения. СПб.: Наука, 2004. С. 132.

Сергей Тимофеевич КРУГЛИКОВ / Sergei KRUGLIKOV

| Жертва и метафоры времени / Sacrifice and Metaphors of Time |

тором процесса стало первое обвинение продюсера Харви Вайнштейна, а за ним, практически по миметической модели Жирара, вторя образцу, стали появляться новые и новые жертвы, хранившие молчание многие годы.

Парадоксальным образом, мы, по-христиански вставая на сторону этих жертв, совершенно архаически требуем наказания для насильников, которые становятся новыми козлами отпущения. Порядок социального не только не отказывается от подобной самолегитимации, но, вопреки и благодаря уроку христианства, использует все более изощренный жертвенный механизм – не устранение козлов отпущения обеспечивает порядок, а сам порядок отыскивает тех, кто совершил нелегитимированное насилие, чтобы покарать их насилием легитимированным. Архаическая жертва переворачивается с ног на голову, но темпоральная форма круга остается кругом, ведь жертва принесена, пусть она и была палачом.

Благодаря медиа, интенсивность жертвенной репрезентации разрастается до такой степени, что всякий, информированный о насилии и его жертвах, уже включается в круг жертвоприношения как соучастник архаичного культа. Заклание медиажертвы оставляет след на всех, кто о нем осведомлен, и реальное ранение архаичной жертвы оборачивается, в терминах Савчука, «цифровым ранением»²⁵ сопричастных, и посредством такого шрамирования и создается пласт медиакультуры.

Интенсивность заклания жертв в медиасфере приобретает характер перманентного жертвоприношения. В конечном счете, к реальным жертвам прибавляются и жертвы медиальные – не те, о ком говорится, что это жертва, а те, кому о них говорят. Они жертвуют своим временем, буквально, откладывая себя в пользу медиального, как прежде отчуждали себя в пользу социального.

Подводя итог, мы видим, что в современном мире жертвенная репрезентация, порождающая циклическое время, нивелирует значимость субъективного темпорального растяжения и растворяет субъект в универсальной ритуальной событийности, посредством демонстрации нескончаемого потока всевозможных жертв. И наоборот, парадоксальным образом, линейная модель времени, стремящаяся углубить субъективность, нивелирует внешнюю медиальную темпоральность. Проблема же состоит в том, что и то и другое настаивает на «озабоченности жертвами» – линейное время две тысячи лет назад появилось как отрицание жертвоприношения, циклическое время сегодня – поощряет наказание насильников. Говоря одно и то же, они предписывают принципиально разные способы быть: либо социальное единство, но ценой жертвенной репрезентации и забвения самости, либо субъективная целостность, но ценой принципиальной разобщенности. Так или иначе, наше время напрямую зависит от жертв, которые будут или не будут ему принесены.

163

²⁵ Савчук В.В. Медиафилософия. Приступ реальности. СПб.: Издательство РХГА, 2014. С. 266.

